

Гавриил ПОПОВ,
Президент
Международного
университета
(в Москве)

1. "А что имел в виду — то написал"

День рождения Владимира Семеновича Высоцкого наша официальная Россия пытается превратить в очередной этап приручения и канонизации поэта, начатый еще несколько лет назад в дни 20-летия со дня его смерти и 65-летия со дня рождения...

Ряды Дворца съездов тогда заполнили и те, кто по долгу службы или даже по зову сердца некогда всячески хулил его. Речи о нем произносили и те, кто не принимал его ни в Союз писателей, ни в Союз композиторов. Его песни исполняли те, о ком сам Высоцкий писал:

"Мое имя не встретишь в рекламах
Популярных эстрадных певцов".

Я далек от того, чтобы в подобных ситуациях видеть повод для злорадства. Я следую библейской притче, рекомендующей прощать блудных сыновей. И любое, пусть самое запоздалое, прозрение достойно уважения.

Но беда в том, что ликования начинают затушевывать все то главное, что составляет суть творчества Высоцкого.

Между тем Высоцкий исключительно прозрачен. Его, с одной стороны, нельзя превращать в лидера диссидентов. А с другой — его трудно "приручить".

"Один, стоявший скромно в уголке,
Спросил: "А что имели вы в виду
В таком-то месте и такой-то строчке?
Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь,
А что имел в виду — то написал.
Вот выверну карманы — убедитесь".

2. "Не забыть бы тогда, не простить бы, не потерять"

Высоцкий сказал правду о войне.

Правду о войне мы знали и по собственным детским годам, и по рассказам взрослых. О ней пели в электричках и на вокзалах инвалиды. И именно у Высоцкого народное видение войны стало поэзией.

В войне Высоцкого нет генералиссимуса, нет великих маршалов и генералов, нет официально увековеченных героев, нет и канонизированных побед. Нет всего того, что сейчас нам вновь пытаются навязывать кремлевские организаторы торжеств по случаю 60-летия Победы. У Высоцкого война — это тяжелый труд и огромная беда.

"Почему мы от границы
Шли назад, а не вперед?"

"Сколько павших бойцов
полегло вдоль дорог —
Кто считал, кто считал!...
Сообщается в сводках Информбюро
Лишь про то, сколько враг потерял".

На войну Высоцкий смотрит глазами миллионов рядовых:

"Нужно провести разведку боем —
Для чего — да кто же там разберет...".

В войне Высоцкого — особый Суэтин — "неутомимый наш" (вся армия была напичкана особистами, заградотрядами и т.д.). И погибающие от удушья подводники. И штрафные батальоны — "Вы лучше лес рубите на гробы. В прорыв идут штрафные батальоны". И Варшавское восстание, когда "наши корпуса в пригороде" ожидали, в то время как "Варшавское восстание захлебывалось в собственной крови".

У Высоцкого и полные чемоданы трофейного барахла, которое разрешили отвезти домой демобилизованным солдатам (генералам полгалгались уже не чемоданы, а целые вагоны).

В войне Высоцкого — и жена, заявляющая мужу "ждать не буду", и другая, которую вернувшийся инвалид застает уже "с другим".

И — бесконечные братские могилы, на которых "не ставят крестов" и где "нет ни одной персональной судьбы — все судьбы в единую слиты".

3. "Из тумана холодного прошлого"

Вторая правда, которую Высоцкий нес всем нам, — правда о репрессиях.

Он акцентирует внимание на мелочности, бессмысленности, случайности причин репрессий в сочетании с исключительной беспощадностью. Эта жестокость говорит либо о крайней неустойчивости, слабости, маниакальном страхе советской власти за себя или же о ее изначальной античеловеческой внутренней сути. Скорее — и о том, и о другом.

"Добрый парень
За три слова, —
Говорят, арестован
Мишка Ларин
...как опаснейший преступник".

"Мой язык как шнурок развязался
Я кого-то ругал, оплакивал...
Дали срок — не дали опомниться".

"С людьми в ладу — не понукал,
не помыкал...
Спины не гнул, прямым ходил...
Но был донос и был навет".

"Эх, за веру мою беззаветную
Сколько лет отдыхал я в раю!
Променял я на жизнь беспроблемную
Несусветную глупость мою".

"Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс!"

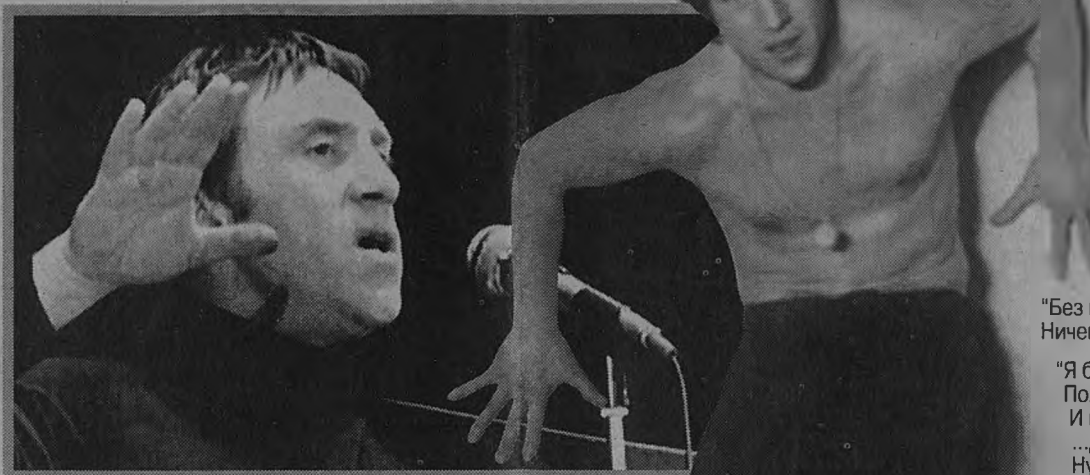
Более чем примечательно, что Высоцкий нигде и никогда не благодарит КПСС за реабилитации.

4. "Чем в бутылке, лучше уж в Бутырке"

Высоцкий своими песнями радикально изменил отношение не только к политическим репрессированным, но и ко всем осужденным советским судом.

"Зачем нам врут:
"Народный суд!"
Народу я не видел".

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

ПРОРОК

В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

(о Владимире
Высоцком)

вещ, — и надо ведь
Чтоб завалило именно его...
Вот раскопаем, он опять
Начнет три нормы выполнять
...и нам хана".

Если не ради трудовых подвигов,
то чем же живет народ Высоцкого?
Три круга: женщины, семья, водка.

"Для нее —
Все свободное время мое".

"Без нее, вне ее —
Ничего не мое".

"Я был слесарь шестого разряда
Получал я всегда сколько надо
И плюс премия в каждый квартал
...Должен чей-то иметь человек, —
Ну, и кроме невесты в Рязани,
У меня две шалавы в Москве".

Женщин и любят, и ругают. Им "варганят" подарки, и они могут "дождаться" (смысл этих слов Вани и он, и Зина, и мы понимаем однозначно). За них вступают в драки, даже смертельные. Их бросают. Словом, женщины у Высоцкого — это первая важная сфера жизни человека из народа.

Другой центр интересов — семья.

"Я самый непьющий из всех мужиков.
И наша семья большинством голосов,
Снабдив меня списком на восемь листов,
В столицу меня нарядила...
Чтоб привез снохе с ейным мужем
по дохе.
Чтоб брату с бабой — кофе растворимый.

Двум невесткам — по ковру,
Зятю — черную икру,
Тестю — что-нибудь армянского разливу".

Народ Высоцкого живет — ездит убирать картошку, иногда — напичканный инструктажем и сопровождаемый контролерами — бывает даже за границей. Он ненавидит владельцев авто и сам покупает автомобили. Но в целом он аполитичен.

Советские аппаратчики пытались доказать, что народ Высоцкого — это какие-то ничтожные единицы, отщепенцы. Но всенародный восторг, с которым воспринимали и повторяли песни Высоцкого, говорил о другом — правда была именно у Высоцкого, а не у тех, кто воспитывал советского человека для жизни в коммунистическом обществе "еще при жизни нынешнего поколения".

Если бы я был зарубежным аналитиком, то, сопоставив популярность Высоцкого с его творчеством, пришел бы к такому выводу. Если в СССР хотя бы половина населения и живет, и думает так, как пишет поэт, — то судьба советского строя предрешена.

6. "А хлебнешь стаканом десять — облегчение!"

Есть в жизни народа, по Высоцкому, еще одна опора — алкоголь. Вот свадьба.

"Уже дошло веселье до точки.
Уже невесту тискают тайком..."

"Уже поймали жениха
И долго били,
Потом пошли плясать в избе,
Потом дрались не по злобе —
И все хорошее в себе
Доистребили".

Но напивались не только по столь особому случаю, как женитьба. Вот рядовая чертика.

"Ой, где был я вчера — не найду,
хоть убей.
Только помню, что стены —
с обоями.
...Мне давай сообщать,
Что хозяйку ругал..."

Будто голым скакал...
Напоследок чудил:
Выбил окна и дверь
И балкон уронил".

Обычно каждый рабочий день завершался выпивкой: "И если б водку гнать не из опилок, то чё б нам было с пяти бутылок!". Впрочем, "гадость пьют — из экономии".

Спустя пару десятилетий и КПСС, и советское государство стали буквально захлебываться от речей и мер по поводу пьянства. Ну а во времена Высоцкого его клеймили за клевету на трудящихся. Но именно Высоцкий впервые показал, что алкоголь проник во все поры советской жизни, стал одним из фундаментов социализма.

"Мы дети страшных лет России,
Безвременье вливалось водку в нас".

7. "У начальника Березкина... Только с нами был он смел..."

Еще одна правда Высоцкого — о начале.

Как в произведениях Кафки, у Высоцкого начало — особая порода, совершенно отличная от простых людей.

"Мой черный человек в костюме сером.
Он был министром, доуправом, офицером.
Как злобный клоун, он менял личности
И бил под дых, внезапно, без причины".

"Слева бесы, справа бесы...
Эти — с нар, а те — из красел, —
Не поймешь, какие злей".

Даже в самые трудные годы войны высокое начальство себя не забывало:

"Граждане смелые,
А что ж тогда вы делали,
Когда наш город счет не вел смертям?

Ели хлеб с икоркою..."

Сам Соловей-разбойник сознается: "У меня такие слуги, что и самому мне страшно". Среди этих слуг — и поэты: "Лизоблюд придворный насмех сочинил царю стихи, получилось курам на смех, мухи дохнут от тоски".

"Царь — ни шагу из квартиры,
А друзья-приятели,
Казначей и кассиры
Полказны растратили".

Хозяиничает это начальство так:

"Почему нет золота в стране?
Раздали, гады, раздали!"

"В центральных районах
В квартире плюс восемь,
На кухне — плюс десять,
Палас — как каток".

Но народные беды начальство воспринимает стойко, терпеливо, ограничиваясь имитацией усилий: "Не страшны дурные вести, мы в ответ бежим на месте".

(Продолжение следует...)

